

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Рассматриваются основные идеи, изложенные в книге П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда», а именно: о законодательном подходе к определению преступления, о связи преступления и наказания, об эволюции наказания, о неодинаковом влиянии наказания на поведение людей, о праве наказания. Критикуется обоснование исследователем формального законодательного подхода к определению преступления. Показано значение исследования для современной науки уголовного права и законодательной практики.

Ключевые слова: преступление; наказание; кара; возмездие; талион.

Свое научное исследование «Преступление и кара, подвиг и награда» П.А. Сорокин определил как социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [1]. Однако в нем исследуются основные категории уголовного права, а именно преступление и наказание. Причем рассматриваются они как правовые категории в контексте их общественного развития на примере анализа различных исторических памятников уголовного права. Поэтому данное исследование необходимо отнести к сфере науки уголовного права, в процессе которого творчески применялись социологический и исторический методы.

Основные уголовно-правовые идеи исследователя, как свидетельствует анализ текста его работы, состоят в обосновании формального законодательного подхода к определению преступления, раскрытии связи преступления и наказания, характеристике эволюции наказания, аргументации неодинакового влияния наказания на поведение людей.

П. Сорокин исходит из того, что общие свойства поступков, которые в различные времена и у различных народов считались преступлениями, существуют [1. С. 140]. Данную проблему автор затронул не случайно, поскольку уже в XIX в. зарубежные и русские ученые юристы активно обсуждали вопрос о том, является ли преступление таковым по своей природе. В этой связи уместно вспомнить критику К. Марксом решения Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов был принят закон, в соответствии с которым хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс придерживался позиции о том, что преступление должно быть таковым по своей правовой природе [2. С. 122].

П. Сорокин критикует обозначенный подход, утверждая, что в основе юридического признания деяний преступлениями лежит шаблон о должном поведении господствующей части общества [1. С. 120–123, 143, 147, 158–160, 208–212]. Свою позицию автор обосновывает тем, что преступление – явление социальной жизни, которое невозможно без психических переживаний в виде отвращения и отталкивания определенного поведения господствующей частью общества. Именно поэтому внешне физически сходные акты поведения могут считаться преступлением и подвигом, например убийство врага на войне – подвиг, убийство иноземца в мирное время –

преступление [1. С. 126–127, 153–160]. Однако в позиции исследователя нет ответа на вопрос о том, почему в одних случаях нарушение шаблона о должном поведении господствующей части общества относится к преступлению, а в других случаях – к иным правонарушениям. По сути П. Сорокин обосновывает формальное определение преступления. Это означает, что криминализация представляет произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты. Вместе с тем криминализация деяний основывается на представлении о преступлении как о грехе, как о преступлении (нарушении) общепринятых заповедей, содержавшихся еще в Ветхом Завете [3. С. 20; 4. С. 27].

Связь между преступлением и наказанием П. Сорокин усматривает в том, что преступление является причиной, а наказание – его следствием [1. С. 172, 176, 208–209]. Анализ текста исследования позволяет утверждать, что автор имеет в виду социальный характер этой связи между ними, так как наказание представляет собой реакцию общества на преступление [Там же. С. 126–127]. Исследование раскрывает эту связь. Полагаем, что содержание этой связи образуют изученные социологом возмездность наказания, причинение преступнику страданий и лишений карательным актом, соотношение между тяжестью преступления и тяжестью наказания, влияние сути преступления на право наказания, влияние наказания на свойство повторяемости преступления. Первые три аспекта связи между преступлением и наказанием, на наш взгляд, характеризуют карательный характер уголовного наказания. Такой вывод вытекает из утверждения социолога о том, что не всякое причинение человеку страданий может быть квалифицировано как карательный акт [Там же. С. 137, 170]. Этот тезис раскрывается в дальнейших суждениях автора о том, что у карательных актов должна быть причина в виде акта преступления, что наказание следует рассматривать как акт справедливого воздаяния и возмездия, являющихся реакцией на преступление, что «страдательность» кары различается в зависимости от «низости» преступления [Там же. С. 172], за каждое из которых предусмотрено карательное вознаграждение [Там же. С. 224].

Влияние сути преступления на право наказания вытекает у П. Сорокина из определения преступления как нарушения шаблона должного поведения господствующей части общества [Там же. С. 130–147, 208–212]. Официально закрепленный государством этот

шаблон законного поведения влечет за собой защиту привилегированной части общества через наказание [1. С. 147, 211–212]. Отметим, что в науке уголовного права в конце XIX – начале XX в. исследовались три аспекта права наказания: право уголовного преследования, право определения наказания, право исполнения наказания [5. С. 8]. П. Сорокин в своей работе затрагивает только один аспект проблемы, связанный с правом законодательного определения наказания. В этой связи отметим, что право наказания у государства вытекает не только из того, что преступлением нарушаются воплощенные в уголовном законе шаблоны позитивного поведения господствующей части общества, но и из того, что основная часть преступлений посягает на позитивные шаблоны поведения, принятые всей законопослушной частью общества в качестве нравственного императива.

Влияние наказания на свойство повторяемости преступления усматривается социологом в том, что повторяемость актов кары влияет на убеждения, лежащие в основе поведения. Отсутствие противодействия преступному поведению ослабляет убеждение в том, что нельзя красть, убивать, брать взятки и т.д. Повторяемость карательных актов укрепляет такое убеждение и способствует устойчивости социально полезного поведения, заставляет воздержаться от преступного поведения [1. С. 229–232, 257–260, 362–363, 482]. Влияние наказания на повторяемость преступления убедительно показывает, что цель предупреждения преступлений для наказания является вполне достижимой. Причем автор утверждает, что наказание влияет не только на поведение отдельных личностей, но и на поведение целых народов [Там же. С. 229]. По сути речь идет о том, что наказание способно достигнуть цели как частного предупреждения преступлений со стороны лиц, уже их совершивших, так и со стороны иных лиц, относящихся к законопослушной части общества. Интересным является вывод социолога о том, что наказание достигает цели предупреждения преступлений не только в силу возникновения у лица страха перед карательным актом (эшафотом, острогом, тюрьмой и т.д.), но и в силу давления совести, в силу сформировавшихся у лица моральных убеждений, являющихся результатом навязанного наказанием обществу должных шаблонов поведения [Там же. С. 253]. В советский период эта идея получила развитие в виде обоснования способности наказания не только вызывать страх совершать преступление, но и формировать позитивное правосознание личности, лежащее в основе его правопослушного поведения [6. С. 41–44; 7. С. 40–41].

Общую судьбу преступлений и наказаний автор связывал с их исчезновением [1. С. 419]. Исследователь обосновывал это тем, что в результате улучшения социальной психики и поведения людей, утверждения позитивного шаблона поведения под воздействием кары отпадет необходимость в наказании [Там же. С. 361–362, 419, 429]. Полагаем, такой вывод обусловлен тем, что П. Сорокин исходил из идеальной модели влияния на поведение человека кар и наград, в соответствии с которой за преступлением следует кара, за подвигом – награда. Однако реальная

практика кар и наград в значительной степени не совпадает с этой моделью: подвиг может быть оценен как преступление и совершившее его лицо подвергнуто наказанию; преступление может быть оценено как подвиг и совершившее его лицо награждено. Такая практика не формирует правопослушное поведение. Кроме того, преступление может быть не раскрыто и не влечь за собой наказание, а это стимулирует совершение новых преступлений. Исследователь игнорирует это обстоятельство, приравнивая неизвестность преступления и преступника к небытию [1. С. 177]. Социальные и иные (в частности, биологические) явления, влияющие на преступное поведение, автором вообще игнорируются, а исследователи, изучающие эти явления, подвергаются безапелляционной критике [Там же. С. 142–147, 263]. Укажем также на отсутствие логики в позиции самого автора. Преступление он считал нарушением шаблона должного поведения господствующей части общества, а наказание – его защитой. Следовательно, причина, порождающая преступление, вытекает из противоречия между этим шаблоном и шаблоном поведения той части общества, которая не является господствующей. Значит, преступления и наказания, как реакция на них, должны исчезнуть вместе с исчезновением этого противоречия. Однако автор связывает их исчезновение только с позитивным воздействием наказаний на преступления. Очевидно, что в аспекте общей судьбы преступлений и наказаний выводы П. Сорокина являются умозрительными и не опираются на социологические исследования.

Значительный интерес представляют также суждения автора об эволюции уголовных наказаний, которая, по его мнению, состоит в их постепенном ограничении как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию [Там же. С. 366–367, 378, 417–418]. Автор утверждает, что первоначально кара была безгранична, поскольку настигала не только преступника, но и весь род, к которому он принадлежал, становилась вечной, так как настигала не только современников преступника, но и еще не родившееся поколение [Там же. С. 377–378, 382–383], карались не только виновные, но и не виновные [Там же. С. 371–372]. Кроме того, автор подмечает, что одно и тоже наказание следовало за разные по тяжести преступления [Там же. С. 379]. Затем автор отмечает, что карательное воздействие стало постепенно ограничиваться: сначала в виде предоставления преступникам мест (обычно храмов), где они могли скрываться, затем в виде ограничения времени, в течение которого преступники могли подвергаться карательной мести [Там же. С. 378–379].

Наибольшее значение для ограничения наказаний как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию, имел талион, который П. Сорокин назвал громадным прогрессом в определении границ неограниченной мести, поскольку он устанавливал равенство между преступлением и наказанием [Там же. С. 379]. Даже в первоначальный момент появления талион уже не допускал убийство преступника за многие преступления, последствием

которых не являлась смерть, а наказанию подлежал преступник, а не весь его род. Это существенно ограничивало кровную месть [8. С. 21–22].

П. Сорокин выделил несколько этапов в развитии системы талиона. Сначала талион возник как начало равного возмездия. Оно предполагало наказание смертью за убийство, телесное наказание за членовредительство, оплату за имущественный вред. Такая равновозмездная форма талиона получила закрепление в ряде источников уголовного права, в частности в Законах Хаммурапи [9. С. 27; 10. С. 69–71].

Однако во всех случаях воздать преступнику по принципу «око за око, зуб за зуб» не представлялось возможным. В связи с этим за ряд преступлений стали применяться вместо смерти наказания, предусматривающие членовредительство преступника, например отрубание руки за кражу по Законам Ману [9. С. 37]. Такую замену смертной казни за ряд преступлений телесными наказаниями П. Сорокин назвал символическим талионом [1. С. 379–380]. Дальнейшее развитие системы талиона привело к тому, что талион приобрел факультативный характер, т.е. стал не обязательным, а допускаемым. И, наконец, система талиона превратилась в систему композиций наказаний, предусматривающих вместо мести денежный выкуп [Там же. С. 380–382]. В целом талион нашел свое формализованное выражение в карательном прейскуранте, представляющем собой шаблонизацию карательных актов, установление за каждое преступление карательной цены [Там же. С. 224–225]. Это тоже в определенной мере явилось ограничителем наказания, так как они из нефиксированных превратились в фиксированные за определенные преступления. Автор полагает, что такой прейскурант наказаний основывался на определенной эквивалентности преступлений и наказаний. С этим нельзя согласиться в полной мере, во-первых, потому, что равновозмездность наказаний с развитием системы талиона сильно исказилась. Во-вторых, потому, что общая единица изменения наказания не была найдена. Сам автор по этому поводу справедливо отмечал, что не дана «единица обмена, которая могла бы заменить все виды «кар» [Там же. С. 225]. Очевидно, в процессе развития талиона от него остался только карательный характер наказания, состоящий в возмездности наказания, причинении наказанием преступнику страданий и лишений, соотношении между тяжестью преступления и тяжестью наказания, а в ряде случаев и в соответствии наказания природе преступления (например, штрафа получению взятки).

На ограничение интенсивности уголовных наказаний повлиял не только закон талиона, но и иные обстоятельства. Среди них особое внимание П. Сорокин уделяет изменению целей наказания. Автор отмечает, что до XVII в. основной целью наказания в известных памятникам уголовного права было устрашение, поэтому распространенными среди наказаний были увечья, телесные повреждения, клеймение. С XVIII в. в качестве целей наказания выдвигаются предупреждение преступлений, исправление и лечение преступников. Наказание все больше основывается не на страхе преступника, а обращается к его совести и до-

стоинству. Поэтому уменьшаются или исключаются наказания, уродующие человека и причиняющие ему сильные физические страдания [1. С. 387–388, 414–415, 418].

Среди иных обстоятельств, повлиявших на ограничение интенсивности уголовных наказаний, исследователь указал: устранение двухсторонних наказаний, ограничение наказуемых за счет наказания только виновных и вменяемых [Там же. С. 182, 197, 384–386, 417–418], ненаказуемость мысли и сужение наказаний за высказывания [Там же. С. 399–400, 418], разграничение санкций за гражданские правонарушения и преступления (замена репрессивных санкций реститутивными) [Там же. С. 400–404, 418], падение жестокости кар в существующих наказаниях (например, тюремного заключения) [Там же. С. 418], появление условного осуждения и досрочного освобождения от наказания [Там же. С. 418], уничтожение и уменьшение религиозных наказаний [Там же. С. 417].

Завершившись эволюция уголовных наказаний, состоящая в их ограничении как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательному воздействию, должна, по мнению автора, исчезнуть кар [Там же. С. 419]. Как уже отмечалось, этот вывод основан на ошибочном суждении исследователя о ненужности уголовных наказаний в результате утверждения позитивного шаблона поведения под воздействием кар.

Однако в основном описанная автором эволюция уголовного наказания представляется верной и не только потому, что опирается на анализ многочисленных памятников уголовного права, но и потому, что всякие попытки отступить от этой эволюции в законодательной практике и теории уголовного права показали свою несостоятельность. В частности, после Октябрьской революции законодатель отказался от понятия наказания как кары: в ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание было отнесено к разновидности мер социальной защиты (в ред. 1926 г. вместо понятия наказания использовано понятие мер социальной защиты уголовно-правового характера). Этому предшествовал доктринальный взгляд руководителей Советского государства на уголовное наказание. Например, один из руководителей Наркомата юстиции А. Шредер, комментируя проект Советского уголовного уложения, отмечал, что такое толкование наказания противоречит его традиционному толкованию, покоящемуся на признании государством права на кару, на возмездие [11. С. 149]. В результате практика применения УК РСФСР 1922 г. привела к расширению уголовно-правовых репрессий, сузила возможности дифференциации и индивидуализации уголовного наказания [1. С. 142–143].

В современный период в законодательном определении наказаний не указан его сущностный признак – карательный характер (ст. 43 УК РФ 1996 г.). Такая позиция законодателя нашла поддержку в работах российских исследователей, так как карательный характер наказания перестал рассматриваться даже как его признак. Исходя из этого, стали вноситься предложения о необходимости включения в число наказаний таких мер, как увольнение от долж-

ности, возложение обязанности загладить причиненный вред [12. С. 9–10; 13. С. 25–26]. Указанная позиция законодателя привела прежде всего к тому, что перечень наказаний, определенный в ст. 44 УК РФ, не превратился в систему наказаний, так как предполагаемая законодателем схема перечня наказаний от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее сурового (смертная казнь) в значительной мере не состоялась. В частности, штраф в своих верхних пределах по суровости значительно превзошел последующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего.

Своебразными явились суждения П. Сорокина о неодинаковом влиянии наказания на поведение людей. Такое влияние автор связывал прежде всего с религиозным мировоззрением человека. На верующего человека существенно влияет загробная кара, которая оказывает на него устрашающее воздействие в силу ее неизбежности [1. С. 237–250]. Воздействие земной кары на поведение человека автор связывал с его близостью (наказание, которое может обрушиться сейчас, действует сильнее, чем отдаленное) [Там же].

С. 236–239], его неизбежностью (неизбежная кара влияет сильнее, чем вероятная) [1. С. 240–241], субъективным восприятием тяжести наказания [Там же. С. 243, 251, 264–265], обеспеченностью наказания общественным мнением и институтами принуждения [Там же. С. 249, 253]. Представляется, что указанные аспекты неодинакового влияния наказания на поведение различных людей в современный период имеют особую актуальность.

В целом по результатам анализа исследования П. Сорокина можно сделать вывод о том, что в российской науке уголовного права на основе эволюции уголовно-правовой мысли, отечественного и зарубежного законодательства к началу XX в. сформировалось целостное представление об уголовном наказании как социально-правовом явлении. Такое представление предопределило развитие науки уголовного права и российского уголовного законодательства не только в досоветский, но и советский период. Отступление от целостного представления об уголовном наказании в постсоветский период в науке и законодательной практике является регрессом в развитии этого института, а не значительным шагом вперед в его эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. 618 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. 700 с.
3. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень : Тюмен. ВШ МВД РФ, 1995. 43 с.
4. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. 336 с.
5. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М. : Городец, Добросвет, 2000. 464 с.
6. Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. 83 с.
7. Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
8. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М. : Госюриздан, 1957. 304 с.
9. Всеобщая история государства и права / под ред. К.И. Батыра. М. : Былина, 1995. – 416 с.
10. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М. : НОРМА, 2002. 744 с.
11. Советское уголовное уложение (Научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015. 240 с.
12. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2002. 48 с.
13. Мацкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб. : Асланов: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июня 2018 г.

PITIRIM SOROKIN'S IDEAS ON CRIMINAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 203–207.

DOI: 10.17223/15617793/434/28

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Alexander V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofsh@inbox.ru

Keywords: crime; punishment; penalty; retribution; talion.

The objective of the authors in writing the article was to analyze the main approaches of Pitirim Sorokin to the key categories of criminal law: crime and punishment. In the work on the article the following methods were used: analysis, synthesis, analogy, formal-logical, historical, logical-language and comparative law. The subject of the article is the main ideas contained in Sorokin's work *Crime and Punishment, Feat and Reward*. The book was written more than a hundred years ago, in 1913. It addresses issues related to the nature of social behavior, the classification of acts of behavior, the definition of crime and feat, punishment and reward, the impact of punishments and rewards on human behavior, trends in punishments and rewards, etc. The issues Sorokin considered in the book are relevant at the present time. The study showed that the main ideas of Sorokin were based on a justification of a formal legislative approach to the definition of a crime, a disclosure of the connection between crime and punishment, as well as a description of the evolution of punishment and the argumentation of the unequal impact of punishment on people's behavior. The authors of the article criticize Sorokin's position that the basis of legal recognition of acts as crimes is the pattern of a proper behavior of the dominant part of society. The article states that criminalization of an act is based primarily on the essential property of a crime associated with the violation of the most important social values necessary for the existence of the whole society. It is established that Sorokin interprets the connection between crime and punishment as the connection between cause and effect. This connection consists in the fact that punishment is punitive (it is retribution for a crime, this retribution is essentially equivalent to a crime, punishment causes suffering), it impacts the repeatability of criminal behavior, the nature of a crime affects the right of punishment. Talion is of great

importance in the article. According to Sorokin, the evolution of criminal punishment began with this principle, which was connected with the limitation of punishment by the intensity and number of persons to be punished. The article shows the significance of Sorokin's research for the modern science of criminal law. It is argued that the perception of a number of ideas of the researcher by the modern legislator will allow to restore the essential property of punishment – its punitive character, which distinguishes punishment from other criminal law measures. It will also allow to give the list of punishments contained in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation the property of a system based on the severity of punitive effects of each punishment on the perpetrator.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (2006) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the main forms of social behavior and morality]. Moscow: Astrel'.
2. Marx, K. & Engels, F. (1995) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
3. Nikonorov, V.A. (1995) *Bibliya i ugolovnyy zakon* [The Bible and the criminal law]. Tyumen: Tyumen. VSh MVD RF.
4. Kharabet, K.V. & Tolkachenko, A.A. (eds) (2009) *Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazaniyu* [The Christian doctrine of crime and punishment]. Moscow: Norma.
5. Foynitskiy, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazaniyu v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow: Gorodets, Dobrosvet.
6. Eleonskiy, V.A. (1979) *Ugolovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti* [Criminal punishment and education of the positive responsibility of the individual]. Ryazan: Izd-vo RVSh MVD SSSR.
7. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Shargorodskiy, M.D. (1957) *Nakazanie po ugolovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva* [Punishment under the criminal law of the exploitative society]. Moscow: Gosyurizdat.
9. Batyra, K.I. (ed.) (1995) *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [The general history of state and law]. Moscow: Bylina.
10. Grafskiy, V.G. (2002) *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [General history of law and state]. Moscow: NORMA.
11. Chuchaeva, A.I. (ed.) (2015) *Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (Nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nye tablitsy)* [The Soviet Criminal Code (Scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow: Prospekt.
12. Zubkova, V.I. (2002) *Ugolovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': zakonodatel'stvo, teoriya i praktika* [Criminal punishment and its social role: laws, theory and practice]. Abstract of Law Dr. Dis. Ryazan.
13. Matskevich, A.F. (2005) *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal punishment: the concept, objectives and mechanisms of action]. St. Petersburg: Aslanov: Yurid. tsentr Press.

Received: 30 June 2018